

складових моральної чистоти людини є правильне ставлення до їжі. Турботи про хліб насущний не повинні відволікати від духовних шукань, ставати головним у житті [Мф.6, 31-33], поневолювати людину, породжувати пристрасті [Лк.21, 34]. Акцент із зовнішнього, чисто формального виконання Закону переноситься на внутрішнє стримання, зосередження на духовних цінностях. Головне – чистота внутрішня: “Немає нічого назовні людини, що, увиходячи до неї, могло б опоганити її... Бо не входить до серця йому, але до черева, і виходить назовні, очищуючи всяку їжу... Що з людини виходить, – те людину опоганює. Бо зсередини, із людського серця виходять лихі думки, розпуста, крадіж, душоубства, перелюби, здирства, лукавства, підступ, безстыдства, зазидующе око, богозневага, гордоші, безум. Усе зле це виходить зсередини, – і людину опоганює!” [Мк.7, 15-23].

За Кораном, Усевишній закликав людей споживати ті дари життя, що він створив для них на землі, а не їсти слідом за сатаною те, що ним заборонено: “О люди! Їжте те, що на землі, дозволене, благе, і не йдіть стопами сатани, - адже він для вас ворог явний!” [Сура 2:168]. “І не їжте того, над чим не вимовлено ім'я Аллаха...” [Сура 6:121]. Там же зазначено: “Заборонено вам мертвечину, і кров, і м'ясо свині, і те, що забито з закликанням не Аллаха, і удавлена, і забита ударом, і вбита при падінні, заколота рогами, і те, що їв дикий звір, - крім того, що заб'єте за обрядом, - і те, що заколото на жертовниках...” [Сури 2:173; 5:3; 6:145 (144), 146 (145); 16:115].

Практично спільні обмеження в зазначених релігіях мають і спільне джерело – Біблію – і пов'язані, в першу чергу, з глобальним осмисленням того, що людина, покликана служити Єдиному Святому Богові, має бути сама чистою і святою в усіх відношеннях, а цьому має відповідати лише чиста їжа. Крім того, ці обмеження мали ще й гігієнічне значення, сприяючи збереженню життя віруючих.

Спивачук В.А.

Технологический университет Подолья

ОСВЕЩЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РАССКАЗАХ ПАНТЕЛЕЙМОНА РОМАНОВА

П.Романов писал сатирические, юмористические, психологические рассказы в 20-е годы. Именно тогда Романова начали печатать щедро, “за короткое время два популярных в те годы издательства “Недра” и “Никитинские субботники” – выпустили многотомные собрания его сочинений” [5, 3]. “Его книги были в числе тех, что пользовались наибольшим спросом в библиотеках, а когда писатель выступал с публичным прочтением своих рассказов, то собиралась такая аудитория, какой мог позавидовать самый известный артист” [4, 5].

20-30-е годы отмечены преимущественным вниманием литературной критики к рассказам Романова за рубежом. Произведения писателя

переводили, включали в антологии советских рассказов. Творчество Романова становилось предметом исследования западных литературоведов. Он был популярен в Англии, Дании. В Норвегии *“был поднят шум о том, что такой большой художник живет в СССР чуть ли не в подполье”* [4, 5-6], потому что после смерти писателя его имя исчезает со страниц газет и журналов, с обложек книг, из разговоров. И почти полвека о нём ничего не писали, а его произведения не переиздавали. Лишь с начала 80-х годов намечается, а в течение последующего десятилетия становится постоянным интерес к личности Романова, его творчеству, начинают переиздаваться сборники его рассказов.

По словам критиков, Романов принял революцию сразу [1, 4, 6]. Но, судя по богатому литературному наследию, Романов отнесся к революции не совсем доброжелательно. Так, в рассказе “Блестящая победа” (1931) речь идёт о том, что художник ждал посетителей из высоких партийных кругов, свидание с которыми ему устроили друзья. Художник имел большой талант мастера-пейзажиста, но в данную эпоху нужно было перестроиться в плане требований современной партийно-государственной критики. Такая перестройка не давалась художнику, и поэтому он “гас” от потери веры в себя и от наседающей на него нужды. Он не мог написать ни одной картины, которая бы отвечала конъюнктурным требованиям. В то время как его товарищи, менее известные, менее талантливые, безболезненно вышли на дорожку нового искусства и писали картины десятками, получая большие деньги.

Романов в рассказе сумел точно передать проблему человека и массы, которой не нужен “первый сорт”, а может сойти и “третий”. И поэтому художники (да и все другие люди разных профессий), пересилив себя, начинали давать то, что нужно было эпохе и тому времени. У них не было личного призвания, у них у всех должно было быть общее призвание: построить социализм, выполнить пятилетку. “Блестящая победа” на деле оказывается всеобщим поражением, потерей личностного и искреннего. Это даже не “пиррова победа”.

Данная тема продолжена в рассказе “Право на жизнь, или Проблема беспартийности” (1929). У главного героя Леонида Останкина создается такое впечатление, что *“мимо него бешеным вихрем неслась колесница истории, а кругом нее бежали и скакали люди в неистовой радости. Но все дело было в том, чтобы уцелеть и не быть ими раздавленным. А для этого существует два способа: первый – бежать со всеми в толпе; а второй – выждать в стороне, пока колесница умерит ход, и тогда на нее можно будет и самому взобраться”* [2, 260]. Но в отличие от Леонида Останкина, который выбрал второй способ, чтобы выжить, можно говорить, что художник из рассказа “Блестящая победа” выбирает первый, как и сам Романов, но в обоих случаях это приводит к печальному концу, к краху, к трагедии. Леонид Останкин погибает, а художник должен создавать то, что ему *“омер – зи – тель – но”* [2, 378]. Иначе его ожидает точно такой же конец, который постиг главного героя – мастера своего дела, великого художника – в рассказе Романова “Лошади английского короля” (1937). Мастер всю свою жизнь создавал истинное искусство и пытался научить этому своего сына. Но сын, как и вся молодежь, пошел иным путем и отрицал искусство как самоценность. Сын писал то, чем жила масса: плакаты и

наглядные пособия. Если принципом отца было совершенство и вечность, то принципом сына были *“масса, ударный момент, хотя бы и без гения”* [3, 480]. Отец умирает в Париже, бедный, без денег и его даже некому похоронить. А сын остаётся жить в России, не зная о смерти отца.

Романов показывает реалии жизни и то, что люди, которые пытаются жить по своим устоявшимся принципам, умирают, их задавливает ход колесницы, они становятся никому не нужными, о них забывают. Так и Романов был забыт. Его произведения не издавались с конца 30-х годов. В своих рассказах писатель ярко, просто, достойно выразил себя и эпоху, отразил социальные феномены, которые происходили с людьми в послереволюционное время, *“когда из страха потерять жизнь, отстать от колесницы истории человек терял все: сначала лицо, потом сущность. А в последствии и жизнь”* [7, 3].

1. Локтев Н. Он был истинно русским художником // Литературный Киргизстан. – 1988. – №12. – С.138-139.
2. Романов П.С. Избранные произведения. / Сост., вступ. статья, коммент. Никоненко С. – М.: Худож. лит., 1988. – 400с.
3. Романов П. С. Повести и рассказы. / Сост. и вступ. статья Никоненко С. – М.: Худ. лит., 1990. – 496с.
4. Романов П. Рассказы. / Сост. и вступ. статья Никоненко С.С. – М.: Правда, 1991. – 400с.
5. Романов П.С. Яблоневый цвет: Повесть и рассказы. / Сост. и предисл. Сушилиной И. К., худож. Медовиков А. – М.: Сов. Россия, 1991. – 368 с., ил.
6. Солдатов В. Е. Социальная сатира Пантелеймона Романова: [Рус. писатель (1884-1938)] // Социол. исслед. – 1999. – №3. – С.137-139.
7. Шухмин В. Кредо конформиста. О писателе, сказавшем эпохе то, что она и так знала // Первое сентября. – 1997. – 20 мая. – С.3.

Горбачевська І.І.

Чернівецький національний університет

ПРОБЛЕМА ВЛАДИ В АРТУРІАНИ

Артуріана (сюжети про короля Артура та лицарів Круглого Стола) пройшла довгий шлях розвитку і змін, спричинених і часом, і задумом авторів. Вона від самого початку була тісно пов'язана з темою влади. Перше письмове свідчення про Артура зустрічається в *“Історії бриттів”* уельського монаха Неннія. Автор називає його воєначальником, під проводом якого бритти перемогли саксів при Бадоні. Перед нами постає образ воїна-переможця, який власною рукою здобуває собі славу. З цієї першооснови й виростає образ Артура-короля.

Цілісний сюжет про Артура-короля, як відомо, зустрічається в *“Історії бриттів”* Гальфрида Монмутського. Герой об'єднує риси воїна-полководця й короля-завойовника, якому належить влада як над військом, так і над державою.

Згадується в Гальфрида і меч Артура – Калібурн (пізніше Екскалібур). Дослідник артуріани Річард Кавендіш наголошує на тому, що, відповідно до